

Р. С. УОРТМАН

Формирование русского царя

<Фрагменты>

<...>

Великий князь Александр Александрович мало подходил для роли утонченного чувствительного наследника в сценарии своего отца. В 1850-х и 1860-х он казался чужаком — неприветливый, неловкий, с грубыми манерами, часто приводивший родителей в замешательство. Его едва ли можно было назвать красивым молодым царевичем, завоевывающим сердца лицезревших его подданных. Мать, императрица, не скрывала своего отвращения к нему. Особенно ее беспокоило сходство сына с императором Павлом I. В одном из писем 1854 года, когда Александру было девять лет, она упомянула о его «отвратительном» («hässlich») сходстве с Павлом, бросавшемся в глаза людям старшего поколения¹. Фрейлина Марии Александровны, Александра Толстая, писала, что из всех детей императрицы будущий Александр III был ей менее всех близок².

Пока ему не исполнилось тринадцать лет, Александр Александрович воспитывался вместе со своим старшим братом, получая, однако, гораздо меньше внимания. К. Головин, познакомившийся с великими князьями в 1859 году, был поражен, что только Николай Александрович жил в строгой дисциплине и получал наставления по этикету³. И Александр, и Владимир Александрович чувствовали, что родители пренебрегают ими, отдавая всю свою любовь первенцу Николаю и младшим сыновьям, Алексею и Сергею. В отличие от первенца, Александр и Владимир не чувствовали родительского внимания, в отличие от младших — не знали родительской ласки. Позже они вспоминали безразличие родителей и более скудную пищу, которую им подавали, — все то, что Александр Александрович называл «отвратительными воспоминаниями» детства («un dégo tant souvenir»)⁴.

Александр производил на знавших его впечатление человека не из придворного круга. Огромный и неповоротливый, он как бы напрашивался на анималистические метафоры. Отец называл его *бычком*, и позже слово *бык* буквально приклеилось к нему. Графиня М. Клейнмихель, видевшая его в 1862 году, сравнивала его с крестьянином и с калмыком, и писала, что в нем не было ничего от красоты его братьев. О нем всегда говорили, используя выражения, подчеркивавшие несоблюдение им норм дворянского поведения⁵. Вряд ли подобные отзывы оставались ему неизвестными, и он с детства относился к благовоспитанному придворному обществу с подозрением и опаской.

Когда случались важные общественные события, великим князьям полагалось появляться на публике — либо вместе с родителями, либо в качестве представителей семьи. Великий князь Александр не любил попадать в центр внимания. Позже он часто начинал свои дневниковые записи за 26 февраля (день его рождения) с подчеркнутых восклицаний: «мое несчастное рождение» или «мое несносное рождение»⁶. Ему не нравились обычные социальные знаки придворной учтивости, такие, как приветствия и объятия, и он чувствовал себя крайне неуютно, когда был вынужден терпеть их. На церемониях он не проявлял самообладания, которое было свойственно его отцу и старшему брату. Когда в 1862 году Гвардейский Финский батальон прибыл приветствовать Александра Александровича по случаю его дня рождения, то он заговорил только с генералом и лишь поклонился офицерам. Генерал Б. А. Перовский, занимавшийся воспитанием великого князя, попросил его сказать какие-нибудь добрые слова, но Александр отказался, утверждая, что он не знаком с этими офицерами и не знает, что им нужно говорить⁷. На публичных церемониях неловкость царевича часто приводила окружающих в замешательство. Его встреча с лифляндским дворянством в 1862 году оставила плохое впечатление, в отличие от аналогичного визита, сделанного за год до этого его братом. Население приветствовало его верноподданныческими восклицаниями, однако, как пишет помощник Перовского, адъютант и компаньон Александра Н. П. Литвинов, «великий князь Александр Александрович совсем не умел ласково приветствовать народ, но по крайней мере то хорошо, что это происходит, по-видимому, от застенчивости, а не от недостатка доброй воли»⁸.

Интеллект Александра также не вызывал восторга. Мать, наставники и гувернеры в один голос говорили о его плохих способностях к учебе. Николай изучал предметы на удивление быстро, а Саша с трудом, заметила Мария Александровна в 1853 году, когда Александру Александровичу было восемь лет. Действительно, на уроках Закона Божьего шестилетний Владимир Александрович добивался

больших успехов, чем Саша, который был «несколько вяловат» («etwas träge»), как пишет Мария Александровна. С самого начала чтение и письмо давались Александру с чрезвычайным трудом. Он не мог справиться с грамматикой, пунктуацией, а его дневниковые записи и письма зрелых лет часто цитируются как свидетельство его ограниченных умственных способностей⁹.

В 1864 году Александр и Владимир приступили к изучению университетских предметов под руководством группы выдающихся университетских профессоров, часть из которых также были наставниками наследника. Однако младшим великим князьям нередко приходилось давать более элементарный материал. А И. Чивилев читал упрощенный курс политической экономии. У Александра были трудности с изучением немецкого и французского. С другой стороны, лекции К. Н. Бестужева-Рюмина по российской истории вызвали у Александра интерес, и он начал усерднее готовиться к урокам истории¹⁰. В последующие годы политическую экономию читали И. К. Бабст и Ф. Г. Тернер, историю — С. М. Соловьев, юриспруденцию — К. П. Победоносцев. Так же как и в случае с Николаем Александровичем, в учебном плане Александра особое место было уделено экономике, но она преподавалась с меньшим философским содержанием и меньшим вниманием к европейским делам.

Александр с трудом овладевал абстрактными понятиями. Его компаньон Литвинов записал в дневнике в 1862 году: «Натура Александра Александровича, при явном практическом направлении способностей, не поддается теоретическим умствованиям Александра Ивановича Чивилева, — зато из него можно сделать практически развитого человека, полезного для общества»¹¹. С ранних лет в нем развилось уважительное отношение к практической деятельности и недоверие к «умствованиям», которые нравились его старшему брату. Эта неприязнь к приукрашиванию, идеализации и абстракциям импонировала всем тем, кто не питал доверия к изощренности образованного европейского общества, считая ее чуждой русской природе. Естественный, неподдельный характер Александра нередко обозначали словом ясный. Так, его наставник Я. К. Грот считал, что у Александра «светлый и ясный здравый смысл чисто русского человека»¹².

Именно это интуитивная хватка вкупе с готовностью упрямо противостоять общепринятым взглядам вызывали расположение к Александру Александровичу у его наставников. Как и в случае с Николаем Александровичем, преподаватели заполняли лагуну, образовавшуюся из-за удаленности родителей наследника. Грот, Перовский и другие воспитатели, преподававшие ему в конце 1850-х и в начале 1860-х годов, отмечали и другие личные качества, искупающие его недостатки, но не вызывавшие в это время особого

восхищения при дворе. Невысокие интеллектуальные способности Александр компенсировал необычайным усердием и целеустремленностью — характерный для второго ребенка способ конкурировать с первенцем. В двухлетнем возрасте он уже поражал адъютанта Юрьевича настойчивостью и прилежанием. Великий князь Александр, пишет Юрьевич, потратил больше часа, строя песочную горку, в то время как его брат Николай, которому было тогда четыре года, не мог заняться чем-нибудь одним. Генералы Н. В. Зиновьев и Г. Ф. Гогель характеризовали его отношение к учебе: *серьезно, старательно и прилежно*¹³.

К военным занятиям Александр также проявлял прилежное отношение. В мундире он выглядел неловко и стесненно и не имел склонности к такого рода демонстрациям и браваре. Но он с охотой принимал участие в военных упражнениях. Летом 1864 года Александр и Владимир находились в «действительной» службе на ежегодных летних учениях в Красном Селе и жили вместе с кадровыми офицерами. Александр командовал образцовым пехотным полком и был восхищен маневрами и упражнениями, продолжавшимися с четырех или пяти утра до полудня. 23 июля он писал матери: «Я очень доволен, что мог служить в лагере, потому что здесь настоящая служба, которая всегда приятна, если ее хорошо исполняют». 8 августа он писал: «Вообще весь лагерь и в особенности время, которое мы провели с нашим батальоном, оставило нам самое лучшее воспоминание». Из всех братьев он первым был награжден орденом Св. Владимира четвертой степени¹⁴.

Если отношения Николая Александровича с воспитателями остались интеллектуальными по своему характеру и отличались сдержанностью с его стороны, то Александр, напротив, открыто выказывал свои эмоции, как положительные, так и отрицательные. Он обнимал своих наставников и плакал, когда они уходили, — проявления чувств, не вызывавшие одобрения строгих военных гувернеров. Его отношения с Гротом и Перовским с самого начала дали образец привязанности к сильному наставнику и зависимости от него — отношения, которые в более поздний период установились у него с Победоносцевым¹⁵. Его чувства к старшему брату были очень теплыми и искренними, но в их отношениях была и обратная сторона. Пока они были детьми и росли вместе, младший брат идеализировал старшего и повиновался ему¹⁶. В 1850 году, когда Николаю предоставили отдельные апартаменты, и в 1859 году, когда он начал заниматься по специальному учебному режиму, Александра охватило чувство утраты, и он отчаянно плакал. В записной книжке 1861 года он нарисовал несколько планов своей комнаты и комнаты своего брата в Царском Селе¹⁷.

После помолвки Николая Александровича в 1865 году Александр чувствовал себя обманутым и покинутым. В октябре 1864 года он писал матери: «Теперь он <Николай> меня окончательно забудет, потому что у него только и на уме, что Dagma<a>r»¹⁸. Через месяц он писал брату: «Грустно, что это время счастливое для меня прошло, а тебе много приятного и много удовольствий. Я не завидую тебе, что ты скоро женишься, а завидую, что ты кончил это дело». Он вспоминал славные дни, которые они проводили вместе, и рассказывал, как тяжело ему смотреть на эти сцены — тихое чаепитие в Царском Селе осенью, поездки на санях к Таврическому саду, катание с ледяных горок, — когда с ним нет старшего брата. С комнатами тоже были связаны интимные, личные ассоциации, они несли на себе знаки утраты. Он с грустью рассматривал стол, за которым они сидели вместе, и их общую приемную. «Все так живо напоминало наше милое время, когда мы были вместе». Эта привязанность к комнатам как носителям личных чувств осталась у него на всю жизнь. Частные апартаменты служили убежищем от придворной суматохи и фальши¹⁹.

Кульминацией уходов и разочарований стала смерть Николая Александровича 12 апреля 1865 года. До этого Александр не виделся со своим братом почти год и очень страдал от разлуки, чувствуя себя обиженным. Приехав в Ниццу, Александр был допущен в комнату брата лишь в последний момент, когда Николай Александрович уже не мог поговорить с ним. «Я не видел моего милого брата почти целый год и даже не имел того утешения, чтобы видеться в последние дни с душкой Никсой», — писал он матери. Все жалели отца и мать. «Но они лишились только сына, правда любимого матерью больше всех». Александр ощущал безразличное отношение окружающих к его страданиям и отверженности. «Я лишился брата, друга, и что всего ужаснее, это его наследство, которое он мне передал»²⁰. В 1868 году он вспоминал, что переживал происходящее так болезненно «потому, что я не мог себе представить, что я могу сделаться наследником и заменить моего милого друга Никсу»²¹.

<...>

Смерть Николая Александровича столкнула двадцатилетнего великого князя Александра с необходимостью выполнять тягостные обязанности наследника российского престола. Б. А. Перовский убеждал его возродить в себе дух умершего брата. Он убеждал его, по древнерусскому речению, «совлечься старого человека». Александр был должен завоевать общественную любовь и уважение, которыми пользовался его брат. «Для этого много надо трудиться, много работать над собою». Он просил его помнить, что не одна Россия, но вся Европа следит за каждым его шагом. «С той минуты, как закрылись

глаза покойного цесаревича, Вы уже принадлежите не себе, а истории». Как цесаревич, он должен быть прежде всего «посредником правды, добра и милости между народом и Государем». Перовский сравнивал его с Александром I и Александром II. Он убеждал его получать знания, читая серьезную литературу, и быть ласковым со всеми, чтобы завоевать любовь своих подданных. «Она <Россия> лежала у его <Николая Александровича> ног именно вследствие той ласковой приветливости и предупредительности, которую каждый в нем находил»²².

Перовский, следуя примеру предыдущих воспитателей наследников престола, побуждал наследника преодолеть смертную ограниченность и принять на себя «персону» русского государя. Однако Александр Александрович не мог подняться над самим собой. В обществе он по-прежнему чувствовал себя стесненно и неловко. Его приводило в замешательство заискивающее отношение окружающих, которое он внезапно начал ощущать, когда Николай Александрович уже был на смертном одре. Александр писал своему наставнику Я. К. Гроту: «Нет. Я уж вижу, что нет надежды, все придворные странно переменили свое обращение со мной и начали за мной ухаживать». Летом 1865 года он сказал своему другу Владимиру Мещерскому: «Я знаю, что есть и хорошие, и честные люди, но и немало дурных, а как разобратся, и как я с своим временем управлюсь?»²³

С первых своих выходов в качестве наследника Александр Александрович ясно дал понять, что он не намерен расположить к себе Россию «ласковой приветливостью и предупредительностью». Он столкнулся с очевидными трудностями на церемонии своего совершеннолетия, которая состоялась 20 июля 1865 года, через три месяца после смерти Николая Александровича²⁴. Он запнулся, произнося слова присяги. Так же, как и на предыдущих церемониях совершеннолетия, император, императрица и великий князь обнялись в слезах. «Тягостная минута, — писал репортер из “Journal de St. Petersbourg”, — и вместе с тем умиленная. Всеми присутствующими овладело волнение; у всех на глазах слезы, и все сердца устремляют к Богу теплую молитву, дабы Он ниспослал Свое благословение на того, который в эту минуту принимал благословение от своих августейших родителей, и на самих родителей, дабы избавил Он их от новых испытаний»²⁵. На приеме Александра «заставили сказать несколько слов» членам Государственного совета, Сената и некоторым офицерам. «Тяжелая задача без надлежащей подготовки», — заметил П. А. Валуев²⁶. После присяги императрица писала своей невестке Елизабет: «Я потеряла веру в будущее. Все было совсем иначе, когда Никса в шестнадцать лет принимал ту же самую присягу. Сможет ли *этот* брат действительно заменить его, или же исполнится пророчество Никсы?»²⁷

Поездки Александра по стране в течение нескольких месяцев после церемонии совершеннолетия прошли без блеска. Он приезжал в Москву в августе 1865 года и год спустя — в августе 1866-го. Обеды и приемы для дворянского и купеческого сословий были для него тягостны. Александр использовал любую возможность, чтобы избежать таких встреч. В Твери он не принял приглашения на бал от местной знати и купечества. В Нижнем Новгороде он отказался появиться на роскошном приеме и предложил жертвователям использовать эти деньги для общественных нужд²⁸.

Другая обязанность, с которой он столкнулся, став наследником, был брак, — и его родители, ничтоже сумняшеся, предложили ему взять в жены невесту брата, датскую принцессу Дагмару. Однако, потеряв брата, Александр обрел утешение в романе с княжной Марией Мещерской, кузиной его друга Владимира Мещерского. Подобно его отцу и другим великим князьям, Александр Александрович разрывался между влечением к русской женщине и императивом, требующим от него жениться на иностранке королевской крови.

В дневнике за 1865 год Александр с наивной честностью описывает поднявшийся шум. Он думал только о Мещерской и о том, как можно встретиться с ней, хотя и знал, что видеться им нельзя. В июне 1865 года он сообщил ей, что они должны прекратить видеться, но в последующие месяцы его безрассудная страсть лишь возросла. Сообщения о его романе с Мещерской появились во французских и датских газетах и вызвали испуг при датском дворе. Император с императрицей вначале не говорили ни слова, может быть потому, что они вообще обращали мало внимания на его личную жизнь. Тем временем Александр решил не ехать в Данию, бросить все, отказаться от трона и жениться на Мещерской²⁹.

И тут повторился тот же самый конфликт, который возник двадцать восемь лет назад, когда Александр II испытал отцовский гнев из-за его связи с Ольгой Калиновской³⁰. 18 мая 1866 года Александр II указал сыну, что история обсуждается в датских газетах и что король выражает беспокойство. Александр Александрович подтвердил слухи и сказал отцу, что не намерен ехать в Данию и не желает жениться. На следующий день он не смог сдержаться и заявил, что не способен полюбить Дагмару и что он решил отказаться от трона. Александр не стал читать своему сыну нравоучения (он был чужд морализаторства), но утверждал, тем не менее, что его сын, видимо, сошел с ума. Он сказал, что императором становятся «не по своей охоте» и что великий князь должен действовать в соответствии со своим «призванием». Затем он приказал Александру Александровичу ехать в Данию, угрожая изгнать Мещерскую с царского двора³¹.

Последние слова ошеломили Александра Александровича. Он не мог видеть, как его возлюбленную заставляют страдать. В последующие дни он проклинал свою судьбу и плакал, но в конце концов согласился ехать в Данию. Его отец, сочувствуя ему, рассказал о собственном увлечении юности, которое также чуть не заставило его отказаться от трона. Однако, сказал император, «все вышло к лучшему». Великий князь распрощался с Мещерской в пустой комнате в здании бывшего лицея в Царском Селе: «Она бросилась ко мне на шею и долго целовались мы с нею прямо в губы и крепко обняв друг друга». На той же неделе он отплыл в Копенгаген³².

Подобно отцу, Александр Александрович подчинился родительскому давлению и обязанностям своего служения. Но в своем отказе он следовал иному героическому нарративу. Его отец оставил Калиновскую, но в течение всей своей жизни продолжал лелеять сентиментальную мечту, бунтуя против ограничений и поддаваясь романтическим порывам. Александр Александрович уступил свою возлюбленную, чтобы взять на себя священные моральные обязательства по отношению к семье. В Копенгагене он попросил у короля руки принцессы Дагмары, пообещав любить ее и нести ответственность за ее будущее. Он не мог продолжать индивидуальный бунт во имя возлюбленной женщины — теперь он стал членом семьи, хранящим духовное наследие своего умершего брата. Когда 11 июня 1866 года он сделал брачное предложение, Дагмара бросилась в его объятия. Она сказала, что не любила «никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала». Он сказал ей, что «милый Никс много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце». Королева и король вошли к ним в комнату и обняли их; другие члены семьи их поздравили. «Никогда еще так я себя не чувствовал легко и отрадно, как в эти минуты»³³. Александр гордился своим подвигом самоотречения. Он писал Мещерскому в 1867 году, что он «остановился на самой пропасти, не попадая в нее, как следовало, и чем я горжусь и счастлив»³⁴. <...>

